

«В России надо жить долго». Эту фразу приписывают Корнею Чуковскому. Во всяком случае, сам классик советской эпохи эти слова подтвердил делом – последовательно пережив: кончину Александра III Миротворца и убийство последнего русского императора Николая II, бегство министра-председателя Временного правительства Керенского и расстрел Верховного правителя России Колчака, смерть председателя Совнаркома Ленина и похороны генералиссимуса Сталина, смещение генерального секретаря Хрущёва... То есть чуть менее века умудрённой, неюношеской жизни...

Автору книги **«Душа моя, поднимем паруса!»** (Москва, «Беловодье», 2020), большому русскому поэту и блистательному переводчику Юрию Михайловичу Ключникову сегодня исполняется 90! Иные времена, иная судьба...

А прописка всё та же – русская литература. Хотя... слово русская литература, наполнявшее восторгом Гамсуна и Томаса Манна, Хемингуэя и Поля Валери, Сартра и Рильке – в нынешней расфасовке всё чаще напоминает вкусом «оцет с желчию смешен», то самое горькое питьё, которым иудеи пытались усугубить крестные муки Спасителя.

И горько не только от того, что кто-то подобное будет обязательно читать, но и потому – что подлинны чудотворцы

русского слова (такие как Юрий Ключников или Владимир Личутин) остаются в беззвучии посреди грохочущих и пустых бочек современности.

Тем важнее сказать о них, о чудотворцах, именно сейчас!

Книгу Юрия Ключникова можно назвать троечастной – по аналогии с богослужебными, которые называются в Православии «триоди» и состояются из трёх частей. Первая (и самая важная) часть книги – это лирические стихотворения. От сердца к сердцу. Родина, её богоданная природа во всём многообразии русских пространств – от Крыма и воюющего Донбасса до Алтая и Центральной Сибири; история России её боль («Отчизны затянувшийся позор...») и исчерпывающие, надмирные всечеловеческие смыслы; и, конечно, сама жизнь поэта – иногда внутри, иногда чуть-чуть сбоку (с приглядкой и оценкой), а иногда и по-над временем.

Священномученик отец Павел Флоренский в 1937 году (незадолго до гибели) писал: «Получена газета, наполненная Пушкиным. Можно чувствовать удовлетворение, когда видишь хотя бы самый факт внимания к Пушкину. Для страны важно не то, что о нем говорят, а то, что вообще говорят; далее Пушкин будет говорить сам за себя и скажет все нужное».

Поэтому дадим слово самому поэту. Вот отрывок из «Алтайской рапсодии» Ключникова:

*Согреться бы течению на плёсах!
Да жребий, видно, горный не такой.
И жизни торопливые колёса
Разводят нас с бегущей рекой.
Сумеет ли земной судьбы кораблик
Найти под килем прежнюю струю?
Лишь в океане неразлучны капли,
Но там попробуй отыскать свою...*

Здесь – всё! Этими строками поэт обнимает двадцать пять веков человеческой истории: от Гераклита Эфесского, с его невозможностью дважды войти в одну реку, до А. К. Толстого – с его предчувствием одной любви, в которую «мы все сольемся вскоре, // В одну любовь, широкую как море, // Что не вместят земные берега!». Не умозрительно, а с подлинным лирическим трагизмом, с понятной каждому читающему тоской: желанием и невозможностью отыскать в этом будущем океане именно *свою каплю!*

Другое стихотворение Юрия Ключникова из того же цикла – «Одинокий костёр»:

Одинокий костёр

Ты зажжёг на излучке Катуня

Уходящему солнцу вдогонку.

Вокруг ни души.

Всё, о чём бы во мгле

Наступающей вдруг ни подумал,

Облекается тотчас

В картины живые.

Пиши!

... Всё вибрирует жизнью

И смертью задымлено тоже

Под лучами души твоей.

В ней и надежда, и жуть.

Ты на этой излучке

Всего лишь случайный прохожий.

Дай же право поверить,

Что ты её главная суть.

Как долго мы ждали этого слова! Презируя природу, «покоряя» её, наконец, сегодня, во времена коронобесия – не доверяя ей! А поэт просит всего лишь «дать ей право поверить»,

что мы, люди – «её главная суть». Здесь столько смирения и породнения – без которых нам, в XXI веке, с природой, встающей на ежечасно оскорбляющего её человека, не выжить!

Стихотворение «Сентябрь» наводит уже на другие мысли – ну нет в русском народе «хамова греха»! И чем больше поливают нашу родину грязью инородцы и иноземцы, чем больше выставляют на позор наготу и бедность её – тем чище образ России в стихах её сыновей:

*Над красным трепетом осинок,
Над тополиной желтизной
Горит небесная Россия
Неопалимой купиной.
И в серых лужицах колейных,
В речушке чистой, как слеза,
Встречаю я благоговейно
Её прекрасные глаза.*

Поэтому и приходится вновь и вновь: «Из колодцев чужих // Подниматься на собственный свет...».

Говоря о стихах Юрия Ключникова, правильнее было бы назвать их «*тектонической поэзией*». Много смыслов можно извлечь из этого определения, но есть один – о котором особо.

Одинокая вершина видится издалека. Её все знают, она попадает на модные туристические фото, этикетки бутылок и сигарет. Другое дело – горная гряда: идёшь-идёшь, перевал, за ним – вершина, одолеешь – а там следующая. И так – 90 лет. Здесь и невероятный литературный подвиг, и грусть непризнания/неодоления твоего пути другими. Грусть всего нашего времени, возможно – времени вообще.

Тем не менее, человек, работающий в Слове, уже приобщён вечности. И здесь он не одинок. Рядом встают Блок и Гумилёв, Ломоносов и Пушкин.

В цикле стихотворений «Легенды о Сергии Радонежском» Юрий Ключников стоит рядом с Блоком, всё на том же вечном «Поле Куликовом» русской поэзии:

Князь в небо шлёт просительные взгляды:

– Дай знак, Отец,

Душа моя чиста.

Но бледных звезд безгласны мириады,

Кострам же вражьим

Несть и несть числа.

И страх арканом стягивает чресла,

О нет, не за живот

И не за власть!

Могу ли бросить войско бесполезно

В татарскую разинутую пасть?

Но сквозь туман Непрядвы игумену Земли Русской уже видятся очертания и Прохоровского поля, и Зееловских высот:

Духовный взор

Событий цепью длинной

Ровняет времена в одну строку –

От Куликова поля

До Берлина,

От княжеского сына к скорняку.

Этот же свет – из нашего прошлого, но, одновременно, и из нашего же будущего – проливается на поэзию Юрия Ключникова с осязательной силой. Например, в стихотворении, где описывается возвращение в Питер старого эмигранта:

Зато Нева за окнами светла,

И светел вновь над нею всадник Медный.

Старик уверен: перед ним не мгла

Закатная, но праздник предрассветный.

Ещё он в это верит потому,

Что без надежды умирать не может.

Кто перенёс египетскую тьму,

Тому наш русский свет всего дороже...

Но и такая непоколебимая вера не может и не имеет права оставаться созерцательной и самодостаточной. Поэтому поэт ведёт свой бой, за наше прошлое и за наше будущее – в *нашем* настоящем:

Я не пишу, я карканью вороньему

Навстречу бастионы возвожу.

Я защищаю раненую Родину,

Я с ней одними лёгкими дышу...

Заканчивая разговор о лирике Юрия Ключникова, хотелось бы остановиться на последней по времени написания его поэме «Смирение». В ней поэт пытается вновь и вновь понять сущность русской истории и человеческого делания на земле вообще:

... Бог посылает провод

Беспечному и слабому тебе.

Он совестью незримой с нами связан,

Которой не всегда внимает разум –

Единственной помощницей в судьбе...

Суть этих размышлений (что закреплено и в названии поэмы) в том, что главное чудо русской истории – в смирении. Не перед злом и несправедливостью, но перед теми испытаниями, которые посылаются народу-богоносцу. И перед Тем, Кто их посылает.

Это смирение рождается из непрестанного труда. И это вторая важная тема и поэмы, и всего творчества поэта. И здесь Юрий Ключников почти дословно совпадает со своим младшим современником – классиком наших дней Владимиром Личутиным. «Трудись, – не устаёт повторять он древнюю

монашескую и крестьянскую заповедь, – и жизнь твоя протечёт незаметно».

Значит, о чём-то очень значимом для нас говорят в один голос и независимо друг от друга эти двое литературных старейшин!

Не удивительно, что и во второй части книги, в которой помещены переводы, сделанные Ключниковым – эта тема продолжает звучать, являя всемирную братскость и онтологическое единство людей труда.

И здесь с русскими своими братьями перекликается средневековый суфий Саади Ширази:

*Два человека прожили напрасно:
Кто в золото вцепился слишком страстно,
И тот, чья мудрость только в голове,
К рукам же и мозолям не причастна...*

Его правоту у Ключникова подтверждает и древнекитайский поэт Тао Юаньмин в поэме «Источник» (в оригинале «Персиковый источник»), где путнику, забредшему в пещеры и нашедшему там «безгрешную страну», её обитатели говорят:

*«Мы – совсем не беспечные птицы.
Мы страдали, как вы,
Под землёю спасенье нашли.
А с собой захватили сюда
Наслажденье трудиться –
Этот древний завет,
Был завещан творцами Земли.*

Юрий Ключников представил только небольшую часть своих переводов, сделанных за долгую трудовую жизнь. Тем не менее, в книге, помимо упоминавшейся уже персидской и китайской, есть антологии французской, английской и индийской

поэзии. Из последней не могу не упомянуть стихотворения Субхаша Мукхопадхая, которым автор заканчивает вторую часть книги. Оно написано в 1943 году и называется просто и ясно для всех, кто в 1943 году жил на Земле: «Сталинград».

Не ненависть – любовь такими движет,

Она советскую страну и мир спасёт.

Добра победа с каждым часом ближе.

А зло к конечной гибели ползёт.

Живые, раздвигая трупов горы,

Нащупывают путь в горящей мгле.

Когда и где ещё подобный город

Существовал на выжженной земле?!

Чем души славных воинов согреты,

Воюющих в невиданном бою?

Они хранят не только честь свою –

Достоинство спасают всей планеты.

Отныне чужеземные останки

Святую землю будут удобрять,

Ржаветь в земле заносчивые танки

И вздрагивать любая злая рать.

Всем сердцем уповаем на Россию,

В ней видим исполнение судеб,

Бессмертие Земли, святую силу

И кровью обagrённый вечный хлеб.

И понимаешь – почему имя «Сталинград» носят улицы и парки Франции, Чехии, Бельгии, Польши... И задумываешься – почему его вытравили с карты моей родины?

Третья часть книги предлагает читателю эссе Юрия Ключникова. Их тоже три. Посвящены Ломоносову, Гумилёву, Булгакову. Поэту-учёному, поэту-воину и поэту-мистику.

Ломоносов у автора предстаёт светлым Моцартом русской науки, Юрий Ключников заботливо очищает имя великого гения России от шелухи слухов и анекдотов, сложившихся ещё при жизни подвижника. Но в главном – трагедия судьбы австрийского музыканта и русского поэта и учёного совпадают (как позже это будет повторяться и с другими русскими гениями и в XIX, и в XX, и, увы, в XXI веке): засилие инородцев и иноземцев, «жадной толпой стоящих у трона» (дверей ЦК, администрации президента) и умерщвляющих национального гения (как это потрясающе показал Милош Форман в «Амодее»). Не напрямую, но всей его страдающей жизнью.

В XVIII и XIX веках для России это были немцы (вспоминается бесстрашный генерал Ермолов: «Государь, если Вы хотите меня наградить – произведите меня в немцы»). С их засилием в Академии наук и боролся Ломоносов. «Не с иноземцами, но – с иноземщиной». О последствиях пренебрежения русским народом и его культурой, его интересами – предупреждал Екатерину Великую: «ежели не пресечёте, великая буря восстанет». Что и сбылось в Пугачёвщине после смерти Ломоносова...

Судьбы поэта-воина Николая Гумилёва и поэта-мистика (не писавшего стихов) Михаила Булгакова прослеживаются автором с не меньшим тщанием и любовью. И здесь характерна ещё одна триодь или триада, которую выстраивает Юрий Ключников: научное, воинское и мистическое дарования сплавляются в единое: лирическое. Которое от сердца к сердцу. Как об этом сказал один из современников Гумилёва и Булгакова: «Я поэт. Этим и интересен...»

Это, пожалуй, самое важное, что можно сказать о нынешнем юбиляре и его новой книге. Обязательной к прочтению.